

Научная статья

УДК 316.614

DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.3

EDN BXSXDH

Социальное самоопределение как фактор противодействия деструктивным формам солидарности**Ирина С. Кузьменко¹**¹Университет МВД России, Краснодар, Россия

e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Аннотация

Введение. В рамках социологической мысли постановка вопроса о солидарности, преимущественно, осуществляется в контексте идеи социальной интеграции. Вместе с тем, солидарность далеко не всегда представляет собой конструктивный, социально-сберегающий и социально-интегрирующий фактор. В статье производится постановка вопроса о деструктивных формах солидарности. Определяются основные признаки и факторы развития деструктивной солидарности. Рассматривается влияние характера социального самоопределения членов общества на уровень развития конструктивных и деструктивных форм солидарности.

Методы. В рамках исследования применяются аналитический подход, а также методы сравнения и абстрагирования. Методологически исследование выстраивается в опоре на феноменологический подход.

Результаты. В статье рассматриваются такие проблемы, как нехватка солидарности и деструктивная солидарность, и проводится их рассмотрение в рамках классического прочтения понятия «солидарность». Проводится анализ связи между формами солидарности и характером отношения к социальной конфликтности. Рассматривается преобладание механистического типа солидарности в деструктивных процессах. Одновременно с этим доказывается, что сама по себе механистическая солидарность не является основанием социальной деструктивности. Ставится вопрос о социальных приоритетах и характере социального самоопределения, как ведущих факторов развития конструктивных и деструктивных форм солидарности. Рассматриваются пути развития конструктивных форм социального самоопределения. Ставится вопрос об институциональных и культурных основаниях развития конструктивных форм социального самоопределения.

Заключение. На основании проведенного анализа автор обосновывает значимость культурных факторов конструктивной и деструктивной солидарности, на основании чего обосновывает приоритетный характер социально-ориентированной культурной политики, направленной на развитие конструктивных форм социального самоопределения.

Ключевые слова: солидарность; механистическая солидарность; органическая солидарность; деструктивные формы солидарности; социальный конфликт; социальное самоопределение.

Для цитирования: Кузьменко И. С. (2022). Социальное самоопределение как фактор противодействия деструктивным формам солидарности. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), С. 41-50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.3>

Social self-determination as factor of counteraction to destructive forms of solidarity**Irina S. Kuzmenko¹**¹ University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Abstract

Introduction. Within the framework of sociological thought, the question of solidarity is mainly raised in the context of the idea of social integration. At the same time, solidarity is not always a constructive, socially-saving and socially-integrating factor. The article raises the question of destructive forms of solidarity. The main signs and factors of the development of destructive solidarity are determined. The influence of the nature of social self-determination of members of society on the level of development of constructive and destructive forms of solidarity is considered.

Methods. The research uses an analytical approach, as well as methods of comparison and abstraction. The research also relies on the phenomenological method.

Results. The article deals with such problems as lack of solidarity and destructive solidarity and examines them within the framework of the classical interpretation of the concept of “solidarity”. The analysis of the relationship between the forms of solidarity and the nature of the attitude to social conflict is carried out. The predominance of the mechanistic type of solidarity in destructive processes is considered. At the same time, it is proved that mechanistic solidarity in itself is not the basis of social destructiveness. The question is raised about social priorities and the nature of social self-determination as the leading factors in the development of constructive and destructive forms of solidarity. The ways of development of constructive forms of social self-determination are considered. The question is raised about the institutional and cultural foundations for the development of constructive forms of social self-determination.

Conclusion. Based on the analysis, the author substantiates the importance of cultural and institutional factors of constructive and destructive solidarity, on the basis of which he justifies the priority nature of socially-oriented organizational activities aimed at the development of constructive forms of social self-determination.

Keywords: solidarity; mechanistic solidarity; organic solidarity; destructive forms of solidarity; social conflict; social self-determination.

For citation: Kuzmenko I. S. (2022). Social self-determination as factor of counteraction to destructive forms of solidarity. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), P. 41-50. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.3>

Введение

В современном мире реализуются противоречивые тенденции, направленность которых в одном своем аспекте влечет к реализации интеграционных процессов, в другом – напротив, ведет к обострению противоречий между отдельными социальными акторами и социальными общностями (Парсонс и Смелзер, 2005; Парсонс, 2000). На общем уровне суть этих тенденций может быть выражена следующим образом: в обществе реализуются предпосылки по интенсификации коммуникации, реализуемой на различных уровнях (межличностном, экономическом, социально-политическом, культурно-информационном). Предпосылки роста уровня коммуникации связаны с рядом факторов: повышение демографических показателей общества (Капица, 2004), развитие информационных технологий, технический прорыв в реализации транспортного сообщения, усложнение структуры общества и связанное с этим увеличение числа косвенных взаимосвязей между участниками социального процесса (Нарыков, 2014). Рост интенсивности взаимодействия выступает как естественный результат социальной специализации, кроме того, в настоящее время на уровне технического обеспечения коммуникативных процессов имеет место повышение уровня возможностей отдельных социальных акторов. Как результат – рост интенсивности взаимодействия влечет за собой повышение плотности социального процесса, что становится основанием для пропорциональной интенсификации как конструктивных, так и деструктивных социальных тенденций. И если конструктивные социальные процессы (и их развитие) выступают целью социального и научно-технического прогресса, то рост уровня деструктивных явлений можно рассматривать как побочное следствие современных тенденций развития общества. Наиболее серьезные последствия связаны с институциональными противоречиями, выраженными в нарушении устойчивости общественной структуры в условиях глобального повышения динамики взаимодействия (Лемещенко, 2005), а также с возникновением групповой конфронтации. Последняя проявляется в форме роста уровня конфликтности между представителями различных социальных групп на основании несовпадения социальных признаков, по которым члены этих групп осуществляют личную самоидентификацию. Эта тенденция находит многообразное отражение в исследовательской литературе: имеют место как специализированные исследования, рассматривающие социальную конфликтность на базе актуализации имущественного неравенства, религиозной нетерпимости, этнической конфликтно-

сти, так и общетеоретические работы, в которых ставится вопрос о недостаточном уровне солидарности в обществе. Вместе с тем, одним из аспектов межгрупповых конфликтов становится то, что в их рамках происходит обострение групповой идентичности. Таким образом, на фоне постановки вопроса о недостатке солидарности в обществе можно констатировать ее наличие на более низком уровне общественной организации, характеризующееся как «солидарность против» объекта конфликтного отношения. Эта форма солидарности, будучи деструктивной по характеру своего проявления, имеет собственные предпосылки возникновения и развития, что уже определяет значимость ее теоретического рассмотрения. Вместе с тем, сама постановка вопроса о том, что в обществе возникновение деструктивных форм солидарности сочетается с нехваткой ее конструктивных форм, заставляет обратить пристальное внимание на проблему солидарности, как основание теоретического раскрытия современных конфликтных тенденций. В данном аспекте примечательно, что еще Э. Дюркгейм ставил вопрос о деструктивных формах солидарности, рассматривая феномен толпы, революционную активность и иные формы масштабного выхода носителей социальной активности за рамки допустимой деятельности (Дюркгейм, 1991). Французский мыслитель рассматривал это в контексте типологического деления солидарности на механистическую и органическую. Однако подобного рода деление не способствует полному раскрытию вопроса о том, по какой причине одни формы солидарности являются конструктивными, а другие – деструктивными. В частности, провозглашая принцип соответствия органической солидарности современному строению общества, Дюркгейм признавал необходимость наличия механистической солидарности, как основания внутригруппового взаимодействия в однородных группах. Таким образом, механистический характер солидарности не может быть рассмотрен как основание ее деструктивности, несмотря даже на то, что большинство форм «солидарности против» имеет выраженные признаки механистической солидарности. Таким образом, мы наблюдаем четко выраженный проблемный характер состояния солидарности в обществе, который нельзя однозначно свести к типологическому делению солидарности в классическом ее прочтении (Гофман, 2013). В данном случае некоторые исследователи (Мукомель, 2014) отмечают солидарность как общность, что определяет основание объединения в качестве критерия конструктивности или деструктивности рассматриваемых форм солидарного отношения. Отметим, что такой подход, во многом ориентированный на отражение культурного подтекста формирования деструктивных процессов в обществе, приводит к разделению содержательного и формального аспектов в социальном устройстве, что может быть проиллюстрировано на примере криминальной субкультуры (Иванова, 2016). Следует, однако, отметить, что постановка вопроса о локальных проявлениях солидарности в деструктивных группах как результате исходной негативной направленности этих групп способствует, скорее, уходу от вопроса оснований деструктивного проявления солидарности, сводя все к социально-групповому и культурному аспектам. Вместе с тем, с учетом противоречия между общесоциальным масштабом солидарного отношения и деструктивной ориентацией, связанной с отражением интересов более низкого порядка (социальной группы, отдельной личности), правомерна постановка вопроса о противоречии между разными типами солидарности на уровне одного и того же носителя социальной активности. В этих условиях приобретает интерес характер самоопределения участников общественного процесса, как основного фактора проявления конкретного типа солидарности, определяемого не только содержательно (по характеру оснований общности носителей солидарного отношения), но и в приложении к вопросу масштаба самоопределения.

Это, в свою очередь, предполагает теоретическое разделение категорий социального самоопределения и солидарности и их последовательное рассмотрение.

Актуальность теоретического рассмотрения условий, определяющих недостаток солидарности и ее негативное проявление, напрямую проистекает из важности проблем, связанных с наличием выше обозначенных состояний общества. В современных условиях, когда интенсивная трансформационная динамика и высокий уровень коммуникации определяют кризисное состояние общества, чрезвычайно важным является сохранение стабильности социальной системы, а это проявляется в двух основных моментах: сохранении функциональности защитных механизмов общества и противостоянии деструктивным тенденциям. Как первое, так и второе имеет непосредственное отношение к заявленной проблеме. Таким образом, в работе производится аналитическое рассмотрение условий сохранения структуры общества и выделение факторов ее дестабилизации, что имеет несомненную актуальность и теоретическую значимость.

Методы

Поскольку исследование категорий солидарности и самоопределения предполагает момент активного аналитического их рассмотрения, с последующим определением взаимосвязи и точек пересечения, в работе применяются сравнительный и аналитический подходы. Кроме того, важным условием корректного рассмотрения текущей ситуации в обществе является методологически выверенное выделение социальных явлений, соответствующих рассматриваемой теории. Это предполагает важность научного метода абстрагирования в производимом аналитическом обзоре. Также немаловажное значение имеет обращение к феноменологическому методу при аналитике мировоззренческих установок членов общества. Работа опирается на классические установки социальной философии, что, однако, не отменяет критического их рассмотрения на отдельных этапах исследования, как условия соответствия применяемой теории исследуемому объекту.

Результаты

В исследовательской традиции существуют проблемы, область приложения которых настолько широка, что практически невозможным становится их исчерпывающее рассмотрение. В результате первоначальные подходы к их разрешению приобретают пропедевтический, закладывающий теоретические основы характер, при этом многообразие подходов в разрешении исходной проблемы приводит к проблематичности в ее концептуальном определении. Как результат – возникает множество частных теорий, отражающих исходный объект лишь частично и противоречащих друг другу не только в силу исходных методологических различий, но и по причине развертывания противоречий, заложенных в различном характере объективации исходной проблемной области. Примером подобного рода общей проблемы, разрешение которой привело, фактически, к пролиферации социального знания (Фейрабенд, 1986) (в терминологии Фейрабенда), стала тематика солидарности. Анализ работ, посвященных солидарности, позволяет сделать вывод о том, что в предметном плане они не совпадают друг с другом, иными словами, та солидарность, которая рассматривается в рамках политической теории, разительно отличается от теологически понимаемой солидарности в русской социально-философской традиции (Соловьев, 1911) или от социологической ее трактовки. В результате мы сталкиваемся с проблемой, когда существует несколько генеральных линий в трактовке солидарности: наличие одного понятия сочетается с множественностью смыслов, что уже в суще-

ственной мере сбивает исследователей с толку. Вторая, не менее значимая проблема состоит в том, что исследования солидарности различаются по направленности научных поисков. Помимо работ, посвященных эссенциалистскому определению солидарности, типологическому ее делению и ограничению сферы приложения понятия, существуют многочисленные исследования, в которых категория солидарности применяется инструментально, как удобный концепт для выражения отдельного аспекта генеральной идеи. Именно прикладное применение понятия солидарности, которое трактуется без предварительной теоретической подготовки практически произвольно, приводит к возникновению столь ярко выраженного многообразия теоретических прочтений термина. Это частный случай формирования полисемичности научных понятий (Ворона, 2013).

А. Гофман отмечает, что столь серьезные проблемы в трактовке солидарности стали тем основанием, которое повлекло за собой длительный уход от прямого упоминания категории солидарности в социально-философском дискурсе. Как отмечает российский исследователь, наблюдается обращение к смысловым конструкциям солидаризма без прямого указания на отношение формируемых построений к теории солидарности (Гофман, 2013). Таким образом, помимо явного обращения в исследовательской традиции к понятию солидарности, зачастую ошибочным с точки зрения содержательной определенности термина «солидарность», имеют место и скрытые формы обращения к данной теории, детерминированные необходимостью раскрытия конкретных проблем. Иными словами, теория солидарности нацелена на столь общую проблему социального устройства, что большинство теоретических построений в той или иной форме затрагивают ее. И в данном случае забвение, которому на длительный период была подвергнута категория солидарности, характеризует не столько низкий уровень актуальности солидаризма как теории, сколько уровень концептуального хаоса в его определении.

В контексте обозначенных тенденций, актуальна опора на исследования, объектом которых выступает непосредственно социальная солидарность, а также обращение к трудам, раскрывающим характеристики социальных связей и, в целом, структурных отношений в обществе. К первой группе работ относятся классические исследования Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1991; Дюркгейм, 1994), в которых закладывается первоначальная трактовка солидарности и производится последовательное ее рассмотрение. Немаловажное значение имеют исследования критиков солидаризма (Колыванский, 1948), поскольку «взгляд со стороны» на теорию солидарности позволяет обнаружить наиболее важные проблемы и противоречия, внимание к которым со стороны основоположников теории солидарности незначительно. В этом отношении большую ценность имеют критические замечания Ф. Хайека (Хайек, 2006), активно полемизировавшего с позицией Э. Дюркгейма. Чрезвычайно высоко в прояснении тематики солидарности оценивается вклад отечественного исследователя А. Гофмана (Гофман, 2012; Гофман, 2013), осуществившего вдумчивый, последовательный анализ отражения категории солидарности в научном дискурсе. Наконец, в контексте постановки проблемы о противоречивости общественных тенденций, а также с учетом необходимости раскрытия скрытых форм реализации установок солидаризма, интерес представляют работы видных представителей структурного функционализма – Т. Парсонса (Парсонс, 1998) и Р. Мертон (Мертон, 2006).

Помимо обозначенных моментов, большое значение имеет раскрытие категории самоопределения, имеющей социально-мировоззренческий характер. В этом отношении представляют интерес работы, посвященные характеристикам социально-

го измерения мировоззрения, что определяет обращение к работам таких авторов, как А. Шюц (Шюц, 2003), П. Бергер и Т. Лукман (Бергер и Лукман, 1995).

Основная направленность исследования солидарности связана с раскрытием ее сущности, а также постановкой вопроса о целесообразности применения данной социальной категории для отражения основополагающих принципов общественного устройства (Хайек) и теоретическим обоснованием необходимости разрешения проблемы дефицита солидарности (А. Гофман). Отдельные аспекты проблемы деструктивного проявления солидарности обсуждаются в работах Э. Дюркгейма, однако этой проблеме французский социолог уделяет незначительное внимание.

Проведенный обзор, с одной стороны, свидетельствует о возможности на уровне воззрений рассмотренных выше авторов сформировать теоретическую базу, способствующую раскрытию поставленной проблемы, с другой – демонстрирует недостаточный уровень разработанности проблемы, что определяет целесообразность ее изучения.

В ходе анализа проблемы солидарности одним из естественных выводов становится то, что выделяемые Дюркгеймом типы солидарности кардинально различаются по своему отношению к социальной среде: если органическая солидарность предполагает момент общности в условиях различий по социальным признакам, то механистическая солидарность, напротив, предполагает разделение в мировоззрении на сходных и инаковых. Иными словами, в мировоззренческом плане механистическая солидарность способствует групповому разделению, а органическая – интеграции. В этом отношении естественным является рассмотрение автором деструктивных проявлений солидарности именно в рамках описания форм механистической солидарности. Дюркгейм рассматривает феномен толпы, бунта, как формы проявления стихийной общности, выраженной в конфликтном отношении. В этом отношении такие деструктивные действия, как погромы, преступления на почве ненависти, социальная агрессия в адрес более зажиточных членов общества (и, напротив, пренебрежение к менее зажиточной части населения) представляют собой, в сущностном плане, сходные явления, основывающиеся на конфликтном характере осмысления социально-группового деления, в котором выделение групп производится по какому-либо одному признаку. Примечательно, что весьма редкой является ситуация, когда объект социальной агрессии выбирается по совокупности признаков (например, зажиточные представители иноэтнической группы), что подчеркивает момент соответствия рассмотренных форм деструктивной сонаправленности членов общества механистическому типу солидарности. Вместе с тем, если рассматривать логический аспект вопроса, принадлежность деструктивной солидарности к ее механистическому типу не означает совпадение первого с другим: иными словами, не всякая механистическая солидарность деструктивна. Более того, как отмечает А. Гофман, в социальной теории Дюркгейма механистическая солидарность является необходимым условием сохранения конструктивных социальных отношений, поскольку она определяет внутригрупповое взаимодействие, определяя согласованность интересов и действий членов группы (Гофман, 2013). Таким образом, при условии выделения сферы приложения проблемы именно на уровне механистической солидарности необходимо определить то основание, которое приводит к возникновению ее деструктивных форм.

Здесь следует сделать одно важное уточнение. Солидарность является не единственным интегративным принципом в обществе. Так, Ф. Хайек справедливо отмечает, что в ряде случаев деятельность членов общества определяется не столько согласием друг с другом, сколько соподчиненностью общему социальному принципу,

примером чего выступает совместная работа на предприятии, в которой решающим фактором становится необходимость для каждого из работников соответствовать профессиональным требованиям работодателя. На общем уровне Хайек определяет это как соподчиненность правилам взаимодействия, конформность (Хайек, 2006). На наш взгляд, данное уточнение интересно с точки зрения раскрытия альтернатив солидарному отношению, однако его нельзя рассматривать как опровержение солидаризма, поскольку рассмотрение конформности как альтернативы солидарности не может исключать наличие последней в общественных отношениях, равно как и не может способствовать отрицанию ее значения. В данном случае говорится, в первую очередь, о том, что солидарность не является необходимым условием существования социальных объединений, она скорее представляет собой тот сопутствующий фактор, который определяет их сплоченность и эффективность.

Возвращаясь к тематике проблем, связанных с солидарностью, следует обратить внимание на то, что они различаются качественно: нехватка солидарности предполагает обращение к теории ее возникновения и развития в социальной среде и стимулирование факторов солидаризации, в то время как анализ деструктивной солидарности предполагает, в первую очередь, поиск фактора, «окрашивающего» солидарное отношение в группе в деструктивное, конфликтно ориентированное. Вместе с тем, присутствует теоретический аспект, объединяющий обозначенные состояния: рассмотренная Дюркгеймом органическая солидарность является альтернативой механистического, основанного на общности по определенному признаку объединения. В этом смысле уровень представленности органической солидарности в обществе можно рассматривать как фактор ограничения социальной деструктивности. Так, например, осознание значимости вклада всех членов общества в его процветание противоречит негативному отношению, основанному на выделении частного социального признака.

Еще одним важным моментом является то, что характер выделения типов солидарности исходя из групповой определенности является дискуссионным. Так, Дюркгейм рассматривает солидарность членов семьи как яркое проявление органической солидарности по критерию родства, в то время как может реализовываться схема формирования социального согласия, основанная на значимости ролевого аспекта реализации семейных функций. То же самое применимо и в рассмотрении трудовых коллективов, в которых момент оценки может быть сопряжен не с рассмотрением сходства, но с признанием функциональной значимости представителя трудового коллектива.

Также считаем необходимым обратить внимание на самоопределение как фактор солидарного отношения. Категории солидарности и самоопределения нередко смешивают, и это связано с тем, что социальное самоопределение предполагает объект, с которым личность себя соотносит, и в ряде случаев это ведет к формированию групповой определенности. Так, например, гражданское самосознание – это форма самоопределения и при условии высокого развития оно может проявиться в солидарном отношении. Однако самоопределение не тождественно солидарности в силу того, что в ряде случаев самоопределение может иметь отрицательный характер. Последнее реализуется в том случае, когда человек осуществляет осмысление своей социальной позиции через отрицание. Подобного рода самоопределение через ограничение также распространено, но здесь справедливо говорить скорее об отсутствии солидарности, нежели о ее наличии. Еще один немаловажная деталь: в рамках самоопределения реализуется момент приоритетности в ситуации, когда член общества соотносит себя с различными социальными сферами. Таким образом, например,

человек может рассматривать себя в первую очередь как гражданина, а уже после как члена семьи (что способствует неготовности к укрытию родственников-преступников от закона), или, напротив – рассматривать себя с точки зрения приоритета семейных интересов. Если солидарность предполагает момент принятия чьей-либо области интересов, то самоопределение выстраивает акценты приоритетности. И в данном случае от характера самоопределения и масштабов развития личности во многом зависит то, каким образом проявляется солидарность. Следует отметить, что, фактически, конфликт форм самоопределения и связанные с ним деструктивные последствия свидетельствует о наличии на уровне одной личности различных форм солидарного отношения, вступающих друг с другом в ситуационное противоречие. В этом смысле, например, рассматриваемый А.В. Синельниковым феномен внутрикорпоративной солидарности сотрудников правоохранительных органов, будучи, в целом, положительным явлением, обнаруживает деструктивный потенциал проявления в ситуациях, когда интересы группы противоречат общесоциальным интересам (сокрытие должностных нарушений, «круговая порука» и т. д.) (Синельников, 2013). В данном случае негативной является не столько сама по себе солидарность, сколько преобладание внутрикорпоративной солидарности над гражданской. Это актуализирует на общем уровне отношение к наиболее общим в плане масштаба формам солидарности, как критерий их конструктивности.

Рассмотренные примеры, в которых имеет место групповое проявление конфликтности, очевидно, связаны с реализацией механистического типа солидарности, но это значит, в том числе, и то, что имеет место недостаток солидарности органической – понимания общей причастности разных групп интересам общесоциального целого. Если механистическая солидарность естественна, то органическая требует осознания и ориентации на интересы того целого, которое объемлет различные части. И здесь проявляется момент самоопределения и его масштабов. Ситуации, когда солидарность несет в себе деструктивное начало, равно как и недостаток органической солидарности – это результат того, что большинство членов общества склоняются к реализации низкого по своему масштабу самоопределения.

Заключение

Нарушение характера солидарности напрямую связано с характером самоопределения, который имеет определяющее значение в проявлении солидаризационных процессов. В этом плане способ самоопределения может быть рассмотрен как ведущий фактор солидаризации и, соответственно, точка воздействия на ситуацию (при условии постановки цели по устранению социальных нарушений, связанных с деструктивными проявлениями солидарности). Характер самоопределения – это вариативный аспект общественного сознания, однако можно с уверенностью выделить функциональный и социально-феноменологический аспекты проблемы. На функциональном уровне речь идет о реализации институтами религии, семьи и образования воспитательных функций, ориентированных на формирование человеком конструктивного понимания своего места в системе общественных отношений и приоритетности сохранения общества. На социально-феноменологическом уровне речь идет о том, что каждый человек на начальных этапах своего личностного становления тяготеет к ценностной структуре «домашней группы» – семьи, родственников, соседей, иными словами – ближайшего окружения (Шюц, 2003). Немаловажное значение в формировании социальной позиции играет информационная продукция – литература, кино, музыка и т. д. В настоящее время достаточно сложно оценивать, каким именно способом сказывается на индивидуальном развитии современная ситуация

выхода детей в сферу цифровой коммуникации, однако, в целом, можно судить о том, что в воспитании социальной позиции информационная продукция имеет чрезвычайно большой вес. Перспективны инвестиции в культуру, развитие социально ориентированной информационной продукции, зачастую, преследующей скрытые воспитательные цели, в качестве перспективного направления себя зарекомендовала социальная реклама. Одновременно с этим необходимо усиление позиций тех общественных институтов, которые ответственны за развитие социальной и гражданской позиций – семьи, религии и образования.

Основная сложность состоит в том, что сложно выработать рекомендации по тому, как противостоять проблемам деструктивного проявления солидарности, поскольку основной приоритет состоит в вытеснении деструктивной тенденции мерам по формированию позитивного социального отношения. Вместе с тем, понимание того, что проблемы солидарности опираются на недостаток конструктивного самоопределения, открывает широкие перспективы регулятивной деятельности.

Литература

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Москва: Медиум.
- Ворона, И. И. (2013). К вопросу терминологической синонимии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 3-2 (21), 50-54.
- Гофман, А. Б. (2012). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции. *Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов*. Москва: ИНИОН РАН, 97-167.
- Гофман, А. Б. (2012). Социальная солидарность: пробуждение социологической идеи. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса*. Москва: РОС, 32-39.
- Дюркгейм, Э. (1994). Самоубийство: Социологический этюд. Москва: Мысль.
- Дюркгейм, Э. (1991). О разделении общественного труда; Метод социологии. Москва: Наука, 572.
- Иванова, А. А. (2016). Криминальная культура как детерминант преступности. *Всероссийский криминологический журнал*. 4, 671-681
- Капица, С. П. (2004). Глобальная демографическая революция и будущее человечества. *Новая и новейшая история*, 4.
- Колыванский, С. (1948). О критике и критиках солидаризма. – Регенсбург: Эхо, 1948.
- Лемещенко, П.С. (2005). Институциональные противоречия и ловушки переходного периода. *TERRA ECONOMICUS*, 3.
- Мертон, Р. (2006). Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ, 873.
- Мукомель В. И. (2014). Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия. *Мир России. Социология. Этнология*, 1, 137-166
- Нарыков, Н. В. (2014). К вопросу об определении факторов интенсификации современных политических процессов. *ИСОМ*, 6-1, 295-298
- Парсонс, Т. (2000). О структуре социального действия. Москва: Академический проект, 880.
- Парсонс, Т. (1998). Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс, 270.
- Синельников, А. В. (2013). Криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования. *Всероссийский криминологический журнал*, 2, 94-101
- Соловьев, В. С. (1911). Россия и вселенская церковь. Москва: типография А.И.Мамонтова.
- Фейерабенд, П. (1986). Избранные труды по методологии науки. Москва: Прогресс.
- Хайек, Ф.А. (2006). Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва: ИРИСЭН, 644.
- Шюц, А. (2003). Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 336.
- Parsons, T., Smelser, N. (2005). *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 350.

References

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social construction of reality*. Moscow: Medium.
- Durkheim, E. (1994). *Suicide: A sociological etude*. Moscow: Mysl.
- Durkheim, E. (1991). *On the Division of Social labor; Method of Sociology*. Moscow: Nauka, 572.

- Feyerabend, P. (1986). Selected works on the methodology of science. Moscow: Progress.
- Hayek, F.A. (2006). Law, legislation and freedom: Modern understanding of liberal principles of justice and politics. – Moscow: IRISEN, 644.
- Hoffman, A. B. (2012). Social solidarity: the awakening of a sociological idea. *Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress*. Moscow: ROS, 32-39.
- Hoffman, A. B. (2013). Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: *Pokrovsky, D. V. Efremenko N. E. (ed.) Sociological Yearbook 2012. Sat. scientific works*. Moscow: INION RAN, 97-167
- Ivanova, A. A. (2016). Criminal culture as a determinant of crime. *All-Russian Criminological Journal*. 4, 671-681
- Kapitsa, S. P. (2004). Global demographic revolution and the future of mankind. *New and Recent History*, 4
- Kolyvansky, S. (1948) On criticism and critics of solidarism. Regensburg: Echo.
- Lemeshchenko, P.S. (2005). Institutional contradictions and traps of the transition period. *TERRA ECONOMICUS*, 3.
- Merton, R. (2006). Social theory and social structure. Moscow: AST, 873.
- Mukomel, V. I. (2014). Xenophobia and migrant phobia in the context of a culture of trust. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*. 1, 137-166
- Narykov, N. V. (2014.) On the question of determining the factors of intensification of modern political processes. *ISOM*, 6-1, 295-298
- Parsons, T. (1998). The system of modern societies /Translated from the English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev. Edited by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect Press, 270.
- Parsons, T. (2000). On the structure of social action. Moscow: Academic Project, 880.
- Parsons, T., Smelser, N. (2005). *Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory*. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 350.
- Schutz, A. (2003). *Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 336.
- Sinelnikov, A.V. (2013). Criminological features of crimes against justice committed by officials of criminal prosecution bodies. *All-Russian Criminological Journal*, 2, 94-101.
- Soloviev, V. S. (1911). *Russia and the Universal Church*. Moscow: A.I. Mamontov type.
- Vorona, I. I. (2013). On the issue of terminological synonymy. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 3-2 (21), 50-54.

Дата получения рукописи: 16.09.2022

Дата окончания рецензирования: 25.10.2022

Дата принятия к публикации: 26.10.2022

Информация об авторе

Кузьменко Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных Краснодарского университета МВД России, e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kuzmenko Irina Sergeevna – Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, the Department of Social and Humanitarian Sciences, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare